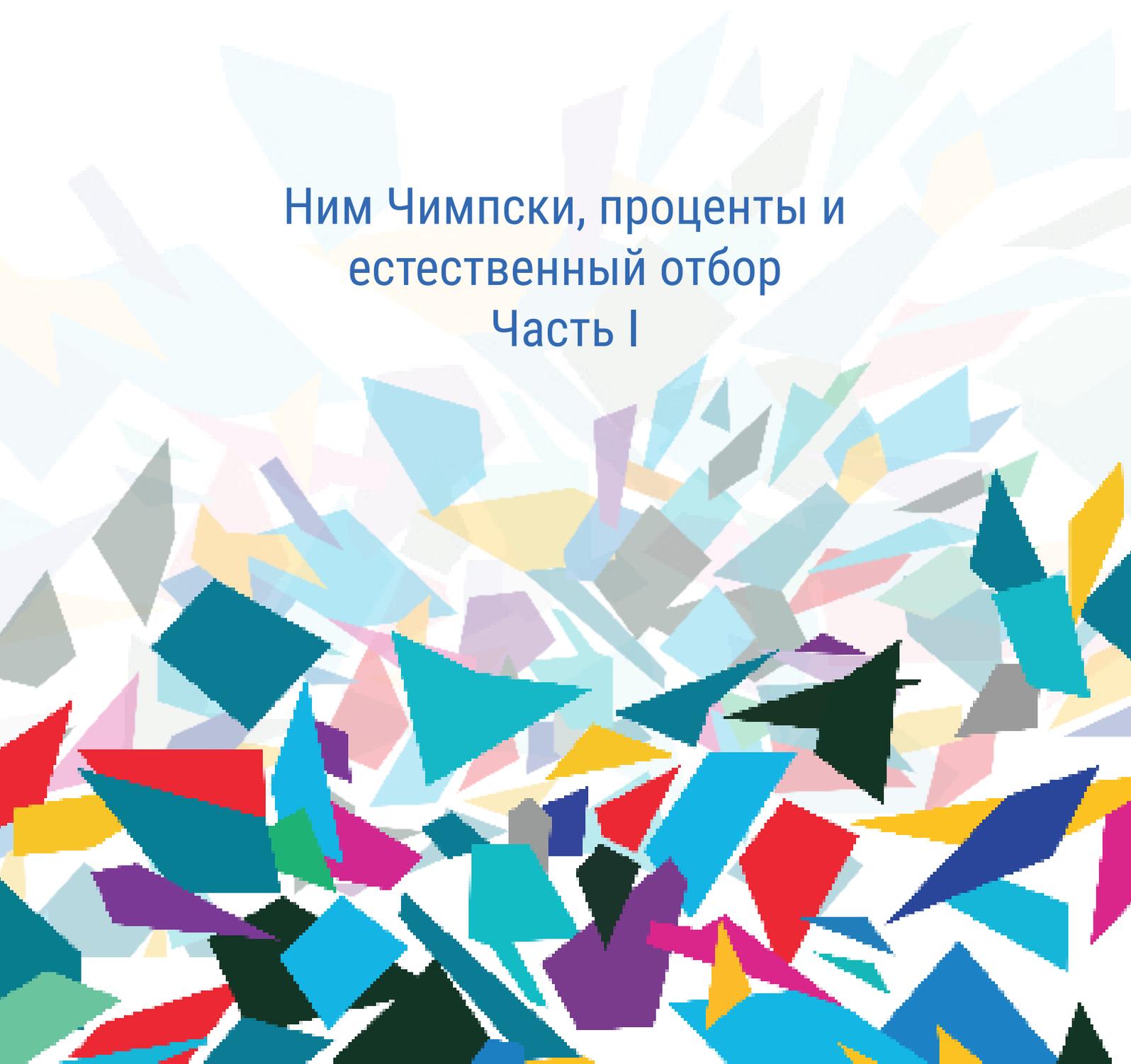




ЯЗЫК КАК ИНСТИНКТ

Ним Чимпски, проценты и
естественный отбор
Часть I





Маниакально депрессивный синдром – это когда мой кот меня не ценит. Неврастения – это когда кот меня игнорирует и мне это кажется совершенно невыносимым. Шизофрения – это когда кот говорит внутри меня. Психоз – я говорю с котом.

Я не случайно начал нашу лекцию с разговоров о коте. Конечно, все знают эту шутку, которая стала популярна в последние лет пять. Безусловно, она создана людьми, которые знакомы с этой книгой, и вообще с психолингвистикой, с генеративной грамматикой.

Глава, которую мы рассмотрим сегодня, называется «Большой взрыв». Стивен Пинкер поднимает проблему состоятельности теории Чарльза Дарвина применительно к языку. На самом деле разговаривать с животными – это мечта человека такая же давняя, как мечта о полете. И мы знаем из мифов об удивительных способностях людей, которые умели разговаривать с птицами, которые понимали язык животных. Причем этот сюжет, этот чудодейственный дар, которым обладает герой сказки или былины, присутствует во всех культурах. Случайно ли это? Конечно, можно говорить о сходстве, влиянии так называемых бродячих сюжетов, которые кочуют из культуры в культуру. Но мне кажется, что осознание себя единственным видом, способным к говорению и при этом наблюдать другие живые существа, особенно те, которые живут рядом с нами, которыми человек пользуется (лошадь, корова, собака или тот же самый кот) во многом определяет ход мыслей. Это не просто мечта, это не просто метафора. Наверняка за этим скрывается нечто большее.

Главный вопрос – почему из всего многообразия, из миллионов видов биологической жизни на Земле только человек обладает даром языка? По большому счету Пинкер пытается ответить именно на этот извечный вопрос. На него пытались ответить и мыслители античности, и ученые средних веков, и на арабском Востоке, и в Европе, и в Америке. На него пытался ответить Чарльз Дарвин. Но ответа до сих пор нет.

Как Стивен Пинкер ставит вопрос? Он говорит о том, что если язык является врожденным человеческим инстинктом, то откуда он появился? Это дар эволюции в результате естественного отбора, как утверждают дарвинисты, или же это Божественный дар, который дан человеку создателем, как об этом говорится в Библии, Ветхом завете и других священных писаниях в разных религиозных системах. Это сложный вопрос. И сложность в том, что Пинкер сам признает, что одним из фундаментов теории генеративной грамматики является теория Чарльза Дарвина. Стивен Пинкер – дарвинист. И именно в этой главе Пинкер опровергает теорию Чарльза Дарвина. Что говорит Пинкер? Что его удивляет?

Во-первых, его удивляет то, что ученые в течении XX века пытались обучить человеческому языку обезьян. На его взгляд, результаты сомнительные, не равнозначные. Он достаточно подробно рассматривает самые первые попытки. Первая попытка восходит к началу XX века. Когда одна британская семья, пытаясь дать ответ на этот вопрос, под воздействием идей Чарльза Дарвина, завела двух шимпанзе и воспитывала их вместе со своими детьми. Их сын был одного возраста с детенышем шимпанзе, которого они взяли в очень маленьком возрасте. Они учили их пользоваться вилкой, ложкой и пытались научить говорить. Это были шимпанзе не из цирка, не из зоопарка. Это были дикие животные. Одна из обезьян понимала человеческую речь, выполняла команды, была очень дружелюбна, но речью овладеть так и не смогла. А вторая научилась вытягивать губы в ходе разработки речевого аппарата. Но единственное, чего семья смогла добиться эта обезьяной, это то, что она выговаривала что-то похожее на: мама, папа и сип (чашка по англ.). Возможно, это были самые близкие слова к речи шимпанзе.

Почему-то Пинкер начинает главу с описания хобота слона. Он говорит о том, какой это удивительный инструмент. Хобот – это единственная форма носа, которая встречается в животном мире. Больше ни у кого нет сращения носа с верхней губой. Для слона хобот – это инструмент общения. С помощью хобота слон не только добывает себе пищу, но и высказывает свои эмоции, расположение или передает какую-то информацию своим сородичам, своей семье. Является ли это основанием для того, чтобы говорить о том, что в ходе естественного отбора хобот стал средством коммуникации? Конечно, нет.

Пинкер, в основном, поднимает проблему владения языком у приматов. Выделяются несколько групп экспериментов в этой области. Одним из последних проводился эксперимент в Америке, где пара исследователей пытались обучить шимпанзе американскому языку



жестов. И примечательно то, что свое подопытное животное они назвали Ним Чимпский. По аналогии с Ноамом Хомским. Спустя некоторое время Джоэл Уолман написал историю о том, как они пытались научить обезьяну обезьяньему языку, который назвали *aping language*. Но Пинкер скептически относится к таким попыткам, потому что способности шимпанзе в области того, что можно было бы назвать грамматикой, были почти нулевые. Жесты не были скоординированы так, как того требуют строго определенные контуры американского языка жестов. Обезьяны повторяли жесты вслед за дрессировщиком, но постоянно сбивались, хотя их обучали именно тем жестам, которые характерны для языка глухонемых американцев. Как только обезьяне переставали давать команды, а просто просили что-то передать, выразить свои чувства, то обезьяны совершенно игнорировали эти языки. Более того, владеющие этим же языком жестов пытались понять то, как именно коммуницируют шимпанзе. Но тоже ничего не понимали. Потому что жесты были совершенно не контролируемые. И какой из этого следует вывод?

Первый вывод, который делает Стивен Пинкер, касается теории эволюции Чарльза Дарвина. Пинкер говорит о том, что не только в общественном мнении, не только в обыденном сознании, но и в научной среде утвердился стереотип того, как развивалась эволюция по Дарвину. Теорию Дарвина представляют как цепочку, где сначала были амебы, из амеб появились губки, из губок появились медузы, медузы породили плоских червей, плоские черви породили форель, из форели появились лягушки, из лягушек – ящерицы, из ящериц – динозавры, из динозавров – муравьеды, из муравьедов – обезьяны, из обезьян – шимпанзе и от шимпанзе произошел *homo sapiens*.

В течении нескольких поколений, практически 100 лет, во многих музеях детям показывают именно такую схему для того, чтобы понять теорию Дарвина. Причем это преподается в школе на уровне научного знания. Естественно это привело к тому, что выросло поколение ученых, которые также упрощенно понимают теорию эволюции Дарвина. На самом деле, и Пинкер убедительно доказывает это, эволюция создавала не лестницу, она создала куст. И этот куст выглядит как череда постоянных ответвлений.

Первые одноклеточные животные разделились на несколько веток, одна из которых дала начало эволюции медуз. В ходе видового разнообразия, только одна из видов медуз случайно дала жизнь множеству различных эволюций, множеству видов. А плоские черви – это только лишь одно из ответвлений на более крупной ветке. Точно так же появились рыбы, от рыб еще большее количество ответвлений. Также существуют и тупиковые ветки. Далее какая-то из веток рыб в результате непонятных мутаций дала начало эволюции земноводных. И опять-таки происходило видообразии, которое привело к появлению млекопитающих. Из всего многообразия млекопитающих появились приматы. И даже среди приматов, а это было несколько сотен миллионов лет назад, только одна из веточек дала эволюцию шимпанзе. И шимпанзе как бы отделились от этой эволюционной ветки совершенно независимо от *homo sapiens*, от нашего вида.

Именно поэтому Пинкер считает совершенно бессмысленным пытаться научить высших приматов языку. У них это никогда не получится. Потому что у них нет языкового инстинкта, о котором он говорит. Тогда получается, что языковой инстинкт – это Божий дар. Пинкер, конечно, рискует быть зачисленным к числу агностиков – людей, которые верят в божественное происхождение всего сущего. Эта глава носит фундаментально философский характер. Но пока Пинкер не делает философских обобщений. Он это сделает позже. Что интересно, он говорит о том, что биологические виды – это сокращенное название блоков обширного семейного дерева. То есть он проводит скрытую аналогию с грамматическим деревом, которое он выстроил. И он все преподносит в виде блоков – модулей. Где блоками выступают классы, типы, семейства, отряды и так далее.

Людам все время хочется научить животных говорить. Людям хочется общения с животными. И это, наверное, естественная потребность. Человек всегда чувствовал, что у животных наверняка есть свой язык. Здесь мне хочется сделать отсылку для моих слушателей к зоопсихологии как к науке, которая выделилась из общей психологии. Это произошло еще до Второй мировой войны. Но особый расцвет зоопсихология получила во второй половине XX века. И добилась определенных успехов. А конкретно – исследование по выявлению



интеллекта животных. Если раньше мы говорили, что человек является единственным биологическим существом, обладающим разумом, то теперь мы стали говорить, что человек – это единственное биологическое существо, обладающее высшим разумом. Тем самым разум у животных не отрицается, а признается. И действительно животные разумны. Разные виды в разной степени.

Особо высокий уровень интеллекта у крыс. Хотя если многие связывают качество интеллекта с количеством мозгового вещества, то положение крыс в иерархии зоопсихологов по шкале интеллекта не самое комплементарное. У них самый маленький мозг, но самый высокий интеллект среди млекопитающих, самые высокие умственные способности. А если говорить о хордовых, то при сравнении умственных способностей вороны с ее объемом мозга, крысы оказываются далеко не первыми в списке.

В Санкт-Петербурге я смог собственными глазами убедиться в том, что вороны обладают довольно высоким уровнем интеллекта. С верхних этажей я наблюдал за тем, как во дворе выгуливали молодого дога, которому, наверное, еще и года не было. Щенок, прыгающий от избытка сил. И на детской площадке сидели две вороны. Они не просто играли с ним, они издевались над собакой. Одна дергала его за хвост, но как только он оборачивался, сразу улетала. Вторая падала на крыло в некотором отдалении от него. Пока щенок бросался к ней, первая ворона тут же дергала его за хвост. К тому же вороны дразнили его тряпкой. Представьте себе щенка дога, который по объему во много раз больше вороны. И соответственно мозг его по объему тоже больше. Вороны довели его до того, что он начал на них жалобно лаять. Все это говорит о том, что у животных есть интеллект.

Достижения в зоопсихологии показывают нам, что животные способны решать задачи. Шимпанзе, высшие приматы способны использовать подручные средства в качестве инструментов. Причем не только высшие приматы, но и птицы, и крысы. Меня поразило очень интересный эксперимент на сообразительность у ворон. Ворону приучили доставать корм из узкого стакана, наполненного водой. Но уровень воды с каждой порцией корма постепенно уменьшали. Дошло до того, что уровень воды в стакане упал настолько, что ворона уже не могла достать клювом корм. Ширина стакана не позволяла просунуть туда всю голову. А ворона очень хотела есть. Рядом со стаканом были рассыпаны камешки. Она стала бросать камешки в стакан до тех пор, пока уровень воды не поднялся настолько, чтобы она смогла достать корм. Значит ли это то, что ворона знакома с теорией Пифагора о вытеснении жидкости?

В зоопсихологии очень много загадок. Пинкера же интересует только тот факт, что несмотря на весьма высокий уровень интеллекта у разных видов животных, они не способны овладеть грамматическим кодом. Здесь мы должны немножко поговорить и о языке животных. Вообще внутривидовой язык животных существует. Он сходен с языком жестов. Собаки по положению хвоста, ушей, тела, передают информацию о своем отношении к своему визави. Если можно так сказать. Я точно знаю, что у собак и волков уши, вывернутые наружу, выражают крайнюю степень смущения.

У животных существует язык межвидовой коммуникации. Приведу пример, который я наблюдал собственными глазами. У одних хозяев были пес и кошка. Кошка ждала котят, жила под крыльцом. А на крыльце жил цепной пес, который все время ее гонял. Все время на нее бросался, пытался ее схватить, укусить. Однажды я услышал очень жалобное, необычное мяуканье, очень настойчивое. Выглянув в окно, я увидел, как огромный пес лежал, вытянув передние лапы с очень озадаченным выражением лица. Уши у него были вывернуты наружу, он был в крайнем смущении. А кошка, положив свои лапы на его лапы, ему что-то мяукала. Причем довольно долго. Потом ушла под крыльцо. И в этот же день у нее появились котята. И, что самое интересное, после этого пес больше не трогал ни кошку, ни ее котят. И я абсолютно уверен в том, что межвидовая коммуникация у животных существует. Чего не скажешь о человеке. Человек не может адекватно общаться с шимпанзе. Мы понимаем и собак и кошек. Но можем ли мы передавать такие сложные коммуникативные единицы как: «перестань меня трогать, у меня будут котята», «пожалуйста, я прошу тебя, не трогай ни меня, ни моих котят, пока я их не выращу». Хотя это может быть и так.